

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
228

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 228 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2013. —
228 с., ил., вклейка после с. 104.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0653-3

Настоящий выпуск Кратких сообщений ИА РАН посвящен результатам исследований, проводившихся в последние годы Отделом охранных раскопок ИА РАН. Публикуемые статьи вводят в научный оборот новейшие материалы из раскопок памятников разных эпох — от бронзового века до Нового времени, расположенных на территории Восточной Европы. Особый интерес представляет серия исследований, проведенных в средневековых городах, в том числе разрушенных в период монголо-татарского нашествия.

Выпуск привлечет внимание археологов, историков, антропологов и всех, заинтересованных в сохранении историко-культурного наследия России.

ББК 63.4

*На задней стороне обложки изображены перстни из могильника Мамисондон,
Республика Северная Осетия-Алания (раскопки З. Х. Албеговой)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.

ISBN 978-5-9551-0653-3

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2013
© Авторы, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

З. Х. Албегова (Царикаева)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗАРАМАГСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК 2007–2009 ГГ.)

*Z. Kh. Albegova (Tsarikaeva). Archaeological sites of Zaramag depression
(results of salvage excavations of 2007–2009)*

Abstract. The paper presents the results of the salvage works by the North Ossetian expedition (Institute of Archaeology, RAS) at two dwelling sites (Chidgom settlement and Tsmi hillfort), and the Mamisonдон cemetery. The investigations were carried out in the Zaramag reservoir construction zone near Tsmi village, Alagir region, Republic of North Ossetia – Alania. Chronology of the sites was established. The core of Chidgom settlement is preliminary dated to the mid 3rd – mid 2nd mill. BC, four stages of the site's functioning have been singled out. At the multilayer Tsmi hillfort a spot of non-disturbed cultural deposit was revealed, containing fragments of numerous vessels of various shapes and technologies. Taking into account separate finds with reliable chronology the material preliminary is dated back to the 9th – 11th cc. Materials from the Mamisonдон cemetery (7th – 9th cc.) are presented in the chronological table of personal ornaments.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Осетия, поселения, эпоха ранней и средней бронзы, раннее средневековье.

Зарамагская (или Туальская) котловина расположена в горной зоне Алагирского р-на Республики Северная Осетия – Алания (рис. 1, 1, 2). В котловине соединяются пять ущелий, образованных пятью реками: ущелье Цмиком – р. Цмиакомдон, Нарком – р. Нардон, Мамисонком – р. Мамисонкомдон (или Мамисондон), Адайком – р. Адайкомдон; при выходе из ущелий реки сливаются в р. Ардон, которая пробилла себе дорогу на север сквозь Касарское и Алагирское ущелья. Через котловину по ущельям проходит несколько путей, ведущих на Владикавказскую равнину, в соседние ущелья северного склона Кавказа и в Закавказье (основные транскавказские пути проходили через перевалы Дзедзо, Рокский и Мамисонский) (Попов, 2008. С. 234. Рис. 22). Расположение

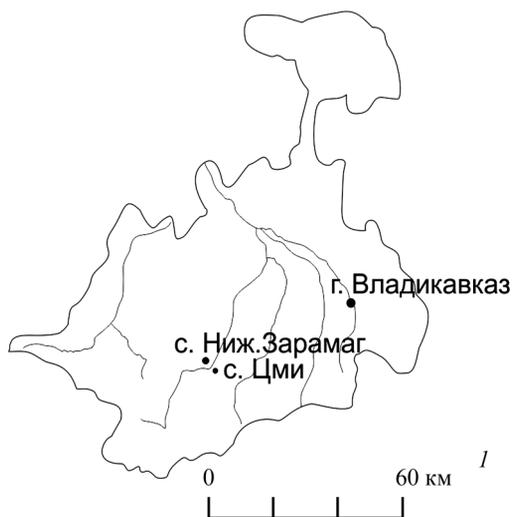

Рис. 1. Селения Нижний Зарамаг и Цми (1); археологические памятники Зарамагской котловины (до периода раннего развитого средневековья) (2)

Зарамагской котловины в контактной зоне всегда предполагало, что она была заселена на протяжении длительного времени.

При выходе рек из ущелий образовались утесы и мысы: Зарамагский утес на р. Адайкомдон и Цмикомдонский на р. Цмикомдон при впадении их в р. Ардон, а также ряд других. К двум указанным мысам приурочена большая часть археологических памятников разных эпох (Попов, 2008. С. 233–244).

Первые упоминания об археологических находках в районе Зарамагской котловины относятся к 1900 г. Графиня П. С. Уварова писала о бронзовом «молотке» из с. Нижний Зарамаг, напоминая, по ее выражению, древнюю Кобань (Уварова, 1900. С. 331). Однако она сомневалась в том, что предмет происходит именно из Нижнего Зарамага, т. к. никаких археологических памятников на территории и в окрестностях селения на тот момент выявлено не было.

В 1964 г. сбор подъемного материала в окрестностях «крепостного комплекса» с. Цми производил В. И. Марковин (1965. С. 165). Он отмечал, что рядом с местным кладбищем обнаружена керамика эпохи бронзы. Правда, у с. Цми находятся два кладбища, и из отчета не ясно, о каком именно идет речь. В 1980 г.

местным жителем Е. И. Джанаевым было выявлено городище Цми. В следующем году прибывшая сюда археологическая экспедиция Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (СОНИИ ИФЭ) под руководством В. А. Кузнецова зафиксировала выход культурного слоя. Открытие городища стало стартовой точкой в истории исследования Зарамагской котловины. Тем более что за несколько лет до этого, в 1976 г., начались подготовительные работы по сооружению Зарамагских ГЭС. В 1988–1989 гг. экспедициями СОНИИ ИФЭ под руководством В. А. Кузнецова, при участии Б. В. Техова и В. Х. Тменова, было проведено частичное археологическое обследование городища Цми, произведены раскопки на поселении

кобанской культуры на северо-западном склоне Зарамагского утеса, частично исследовались позднесредневековые могильники на территории Зарамагского и Цмийского утесов. На городище Цми найдены материалы эпохи средневековья и куро-араксской культуры (Кузнецов, 1988; 1989). В 1989 г. из-за постоянных организационных и финансовых проблем строительство ГЭС было заморожено. Прекратились и научные работы.

В 2006 г. строительство расконсервировали. В связи с перспективой затопления Зарамагской котловины на ее территории возобновились археологические исследования, активно проводившиеся в 2006–2009 гг. Средства на работы были выделены ОАО «Русгидро» и ОАО «Зарамагские ГЭС».

Разведки 2006 г. проводились сотрудниками Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания при Северо-Осетинском государственном университете (ИИА РСО–А), ООО «Научно-исследовательский институт археологии и древней истории Северного Кавказа» (г. Ставрополь), ГУ «Республиканский научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры Республики Северная Осетия – Алания». В ходе разведок в зоне затопления помимо уже упомянутых были выявлены новые памятники, среди которых уникальный могильник кобанской культуры и протокобанского периода – Адайдон, и, видимо, средневековый участок поселения Чидгом (Караев, 2007. С. 44, 51). В 2007 г. экспедиция ИА РАН выявила раннесредневековый могильник Мамисондон (Албегова и др., 2008; Албегова, Верецинский-Бабайлов, 2010). В этом же году в ходе масштабных работ на городище Цми обнаружены и исследовались слои нескольких эпох, начиная с позднего мезолита – раннего неолита (Ростунов и др., 2008; Rostunov et al., 2009). В 2007–2009 гг. масштабные работы проводились ИИА РСО–А на могильнике Адайдон и на Зарамагском утесе.

Северо-Осетинская археологическая экспедиция (СОАЭ) ИА РАН вела работы на трех памятниках: могильнике Мамисондон (2007–2008 гг.), поселении Чидгом (2007–2008 гг.) и городище Цми (2009 г.) (рис. 1, 2). Материалы этих памятников опубликованы с разной степенью полноты. В данной статье приводятся основные выводы, касающиеся их хронологии. Наблюдения доработаны по сравнению с предыдущими публикациями. Описание памятников идет в хронологическом порядке.

Поселение Чидгом находилось на высокой первой надпойменной террасе правого берега р. Нардон, на солнечном склоне горы в 30 м к юго-востоку от восточной окраины старого с. Цми. Свое название поселение получило по названию террасы. До прошлого века терраса использовалась под пашню, а ко времени начала исследований – под выгон (Караев, 2007. С. 44). Результаты предварительных исследований СОАЭ ИА РАН опубликованы (Цветкова и др., 2010; 2011). В настоящий момент готовится полная публикация материалов памятника.

На площади 3620 м² вскрыта часть поселения. Выявлены 9 сооружений и несколько культурных горизонтов. Прямая стратиграфия памятника отражена только в квадратах, где располагался комплекс сооружений 3 и 7. В этих квадратах между горизонтами с культурным слоем нет стерильных прослоек, что может свидетельствовать о непрерывности функционирования памятника на протяжении длительного времени. Установлено, что большая часть площади поселения относится к эпохе ранней и средней бронзы.

В данной публикации будут рассмотрены только вещевые находки, обнаруженные в различных горизонтах поселения¹. Анализ стратиграфии и планиграфии поселения позволил выделить четыре этапа заселения террасы. *Первый этап* представлен находками костяной проколки (рис. 2, 4), обожженного кремневого отщепя розового цвета (рис. 2, 5) и профильных фрагментов трех сосудов. Один сосуд – крупный, широкогорлый, с наlepным валиком в месте перехода от тулова к венчику, серо-бежевого цвета (рис. 2, 2). Изготовлен из плотной, хорошо обожженной глины, с добавлением дресвы или речного песка и органики. Он производит впечатление круговой керамики – стенки внутри и снаружи гладкие без неровностей, четкий правильный профиль. Второй сосуд – лепной подлощенный горшок коричнево-черного цвета с уплощенной ручкой (ручка-ми?) (рис. 2, 3). Аналогии этому сосуду обнаружены на могильнике Загли Барзонд I в Северной Осетии. Сосуд невозможно узко датировать, он относится к середине – второй половине III тыс. до н. э. (Ростунов, 2007. С. 39, 40). Оба сосуда крупные, с диаметром венчика около 32 см, и, видимо, тарные. Третий сосуд – менее крупный, с плавно расширяющимся венчиком (рис. 2, 1).

Радиоуглеродный анализ фрагментов двух овечьих черепов (определение Ек. Е. Антипиной) из нижнего горизонта дал некоторый разброс: Ki-16746 4080 ± 170 BP (1σ 2900–2350 BC, 2σ 3100–2000 BC) и Ki-16747 3640 ± 170 BP (1σ 2300–1700 BC, 2σ 2500–1500 BC)². В целом, эти даты пересекаются с археологической.

Ко *второму этапу* относится находка костяной проколки (рис. 2, 10). Скорее ко второму, чем к третьему этапу можно отнести фрагменты нескольких сосудов, в тесте которых присутствуют дресва и органика, иногда дробленая ископаемая ракушка. Крупные формы представлены лепным сосудом охристо-серого цвета с шероховатой поверхностью, прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, расширяющимся в центральной части «биконическим» туловом и псевдополушарной ручкой без сквозного отверстия (рис. 2, 6). Также найден фрагмент венчика небольшого сосуда, черного снаружи и серого внутри (рис. 2, 7). Венчик прямой, слегка отклонен наружу. Обнаружены два целых сосуда: светло-коричневая миска/пиала с двумя небольшими наlepными ушками в виде защипов без сквозных отверстий (рис. 2, 8) и лепной красноглиняный поильник сердцевидной формы с ручкой (рис. 2, 9) из погребения 2, принадлежавшего младенцу 7–9 перинатальных месяцев.

Радиоуглеродный анализ дерева из столбовой ямки комплекса 7 (где сделана основная масса находок) дал дату Ki-15450 3850 ± 50 BP (1σ 2410–2370, 2360–2270, 2260–2200 BC, 2σ 2470–2190 BC).

Третий этап представлен находками профильных частей семи сосудов. Согласно стратиграфии, к концу второго – третьему этапу относятся: красно-

¹ Не исключено случайное попадание отдельных находок в тот или иной горизонт и этап.

² Исследования основной массы образцов с поселения Чидгом выполнены в Киевской радиоуглеродной лаборатории (Ки) под руководством М. М. Ковалюха, двух образцов древесины из верхнего слоя комплекса 3 – Э. П. Завовской в Институте географии РАН (ИГАН). Калибровка дат проводилась с помощью программы OxCal 4.1.

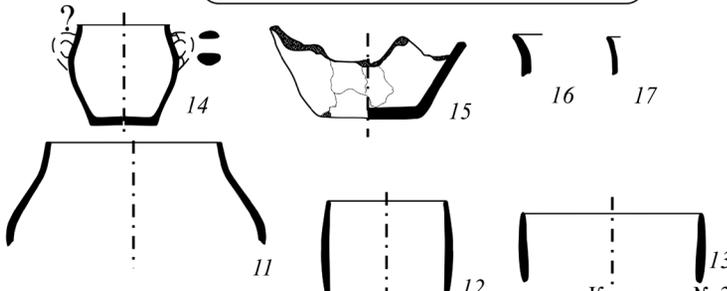
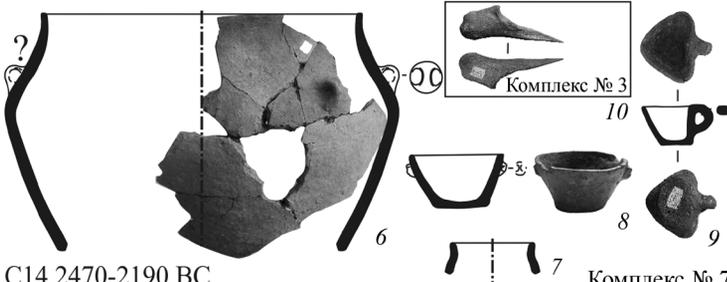
Этап заселения	Находки
IV ЭТАП	 <p style="text-align: right;">Погребение № 1</p> <p style="text-align: center;">C14 1950-1300 BC и 1980-1520 BC</p>
III ЭТАП	 <p style="text-align: right;">Комплекс № 3</p>
II ЭТАП	 <p style="text-align: center;">C14 2470-2190 BC</p> <p style="text-align: right;">Комплекс № 7</p>
I ЭТАП	 <p style="text-align: center;">C14 3100-2000 BC, 2500-1500 BC</p> <p style="text-align: right;">Комплекс № 3</p>

Рис. 2. Распределение находок с поселения Чидгом по хронологическим этапам

глиняный сосуд с прямым венчиком (рис. 2, 11), с примесью дресвы, песка и органики в тесте; два фрагмента неорнаментированных красноглиняных сосудов баночной формы с прямыми стенками и венчиками, с большим количеством крупной дресвы в тесте (рис. 2, 12, 13). Собственно к третьему этапу относятся: два неорнаментированных фрагмента прямых слабо отогнутых наружу

венчиков лепных красножгущихся сосудов с примесью дресвы и органики в тесте (рис. 2, 16, 17); полнопрофильный фрагмент лепного неорнаментированного сосуда красно-коричневого цвета с обломанной ручкой и выделенной придонной частью, с примесью дресвы, шамота, органики и песка в тесте (рис. 2, 14); донце крупного лепного красноглиняного подлощенного неорнаментированного сосуда с примесью дресвы, органики, шамота (?) в тесте (рис. 2, 15). Среди находок третьего этапа – небольшой сильно корродированный фрагмент железного предмета.

Видимо, поселение было заброшено, деревянные конструкции построек разобраны, а их остатки сгорели. Результаты анализа сгоревших деревянных плах из верхнего горизонта поселения показывают, что пожар мог произойти в диапазоне 1980–1300 ВС. Для плахи из постройки 3а получена радиоуглеродная дата ИГАН-3831 3330 ± 120 BP (1σ 1749–1492 ВС, 2σ 1950–1300 ВС); для плахи из постройки 3б – ИГАН-3832 3450 ± 90 BP (1σ 1886–1664 ВС, 2σ 1980–1520 ВС).

Возможно, к *четвертому* этапу относится детское погребение 1, совершенное в яслях (?) уже заброшенной постройки 2. Возраст погребенного – менее 3 лет. При нем найдена половинка сосуда овоидной формы с плоским дном, сужающимся кверху горлом, небольшим прямым венчиком, со следами крепления ручки. Поверхность сосуда черного цвета (рис. 2, 18).

Датировка поселения и погребений затруднена небольшим количеством керамического материала, а также слабой изученностью памятников горной зоны эпохи бронзы в целом. Прямых аналогий керамическим формам из Чидгома в литературе пока не найдено. Материалы предварительно атрибутированы по близким аналогиям, стратиграфии и радиоуглеродным датам. По совокупности данных поселение Чидгом может быть предварительно датировано серединой III – серединой II тыс. до н. э.³

Могильник Мамисондон находился у слияния рек Нардон и Мамисондон при впадении их в р. Ардон, у юго-западной окраины с. Нижний Зарамаг. Некрополь полностью опубликован (Албегова, Верецинский-Бабайлов, 2010). В публикации даны описание и детальный анализ обряда и инвентаря 167 погребений. Установлено, что основная часть погребений могильника Мамисондон датируется VIII в. Не исключается наличие погребений конца VII в. и первых десятилетий IX в. Однако в монографии не была приведена иллюстрированная хронологическая таблица инвентаря (рис. 3). Хронология памятника разработана

³ Радиоуглеродные даты подтверждаются предварительной атрибуцией керамики Чидгома, произведенной с. н. с. отдела археологии Института истории и археологии РСО–А С. Б. Бурковым. По мнению С. Б. Буркова, керамический комплекс Чидгома имеет как минимум три хронологических горизонта, в целом укладывающихся в рамки середины III – середины II тыс. до н. э. и документирующих несколько культурно-исторических традиций горно-предгорных комплексов Центрального Предкавказья. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность сотрудникам ИА РАН, консультировавшим автора: Р. М. Мунчаеву, С. Н. Кореневскому, Ш. Н. Амирову, Р. А. Мимоходу и А. А. Клещенко, а также сотрудникам ГУП «Наследие» г. Ставрополь С. В. Ляхову, ИИАЭ ДНЦ РАН Р. М. Магомедову, Института истории и археологии РСО–А В. Т. Чшиеву.

совместно с И. О. Гавритухиным. Приводимая таблица также является результатом совместной работы.

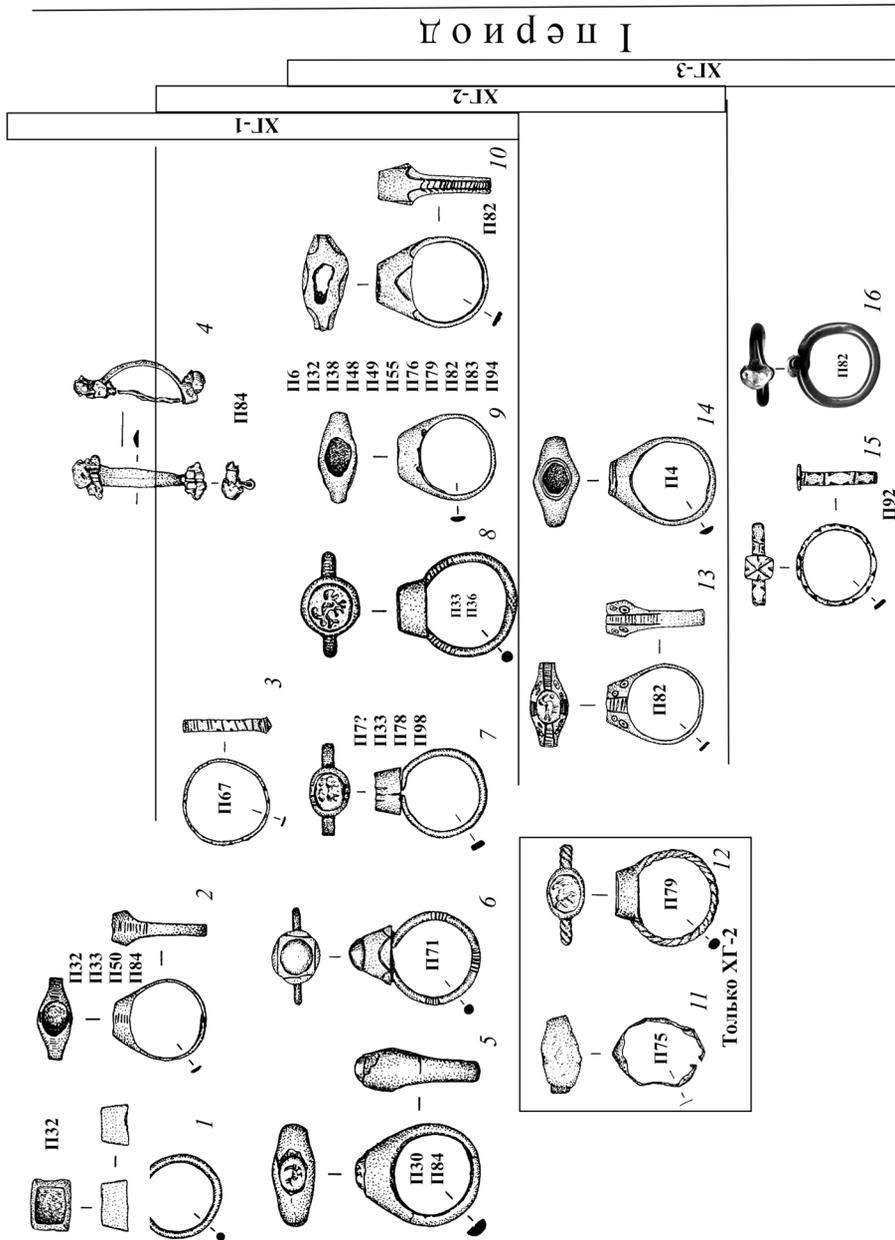
Т. к. методика исследований подробно описана в книге, нет необходимости еще раз останавливаться на ней. Отметим только, что она строилась с учетом результатов анализа планиграфии могильника, стратиграфии коллективных погребений, взаимовстречаемости предметов в отдельных погребениях, погребениях отдельных половозрастных групп и погребениях, расположенных на отдельных участках могильника. Как инструмент для анализа использовались графы связей и сериация. Ниже приведен лишь сжатый комментарий к хронологической таблице погребального инвентаря.

Погребальный инвентарь могильника Мамисондон представлен исключительно личными украшениями и сопоставим с инвентарем христианских погребений Грузии. Металлические и стеклянные перстни обнаружены в 83 погребениях, при 13 костях найдены височные кольца, в 6 могилах зафиксированы бусы, в двух – фибулы, в двух – железные поясные наборы очень плохой сохранности, в 8 – головные булавки. По наборам инвентаря и палеорельефу на некрополе были выделены три участка, отражающие хронологические и этнокультурные изменения.

Выделены I, II и промежуточный периоды. Каждый период включает более мелкие хронологические группы (ХГ), которые частично перекрывают друг друга, что отражено в правой части таблицы. Поэтому предметы, характерные для одной ХГ, в той или иной степени заходят и в смежные ХГ. Однако есть несколько категорий вещей, которые коррелируют исключительно с одной ХГ. В таблице они взяты в отдельные рамки.

Для периода I, включающего более мелкие ХГ-1 – ХГ-3, характерны: перстни со стеклянными вставками из медного или серебряного сплава, выполненные в технике тиснения из металлического листа (рис. 3, 2, 9, 10, 13, 14); перстни из металлического листа с овальным щитком, подражающие массивным литым, но с органическим заполнением внутреннего пространства шинки (рис. 3, 5); перстни из металлической фольги (рис. 3, 11); перстни, состоящие из круглой или плоской в сечении шинки и припаянной к ней круглой или квадратной жуковины со стеклянной вставкой (рис. 3, 1, 6–8, 12); перстни из сине-зеленого (рис. 3, 16) и желто-зеленого (рис. 3, 21) стекла с монокромным или полихромным щитком. Вставки в перстни – в некоторых случаях без изображений, из глухого бирюзового, мозаичного (глазчатый орнамент из темно-синего и белого стекла), полупрозрачного темно-бордового, прозрачного желтого стекла. Но подавляющее большинство вставок (85 экз.) представляют собой инталии с изображениями птиц, копытных, грифонов и точечным орнаментом. Они изготовлены из прозрачного бесцветного, редко синего или розового стекла. С указанным набором вещей коррелирует обряд индивидуальных погребений. Погребения ХГ-1–3 концентрировались на Основной части могильника. Наиболее важным датирующим предметом для ХГ-1, или наиболее раннего участка могильника, служит фибула (рис. 3, 4), которую И. О. Гавритухин с наибольшей вероятностью относит к первой половине – середине VIII в. (*Гавритухин*, 2010. С. 419).

Для промежуточного периода (ХГ-3 и ХГ-4) характерны височные подвески с тремя подвижными бусинными колонками (рис. 3, 17–19), перстни с припаян-

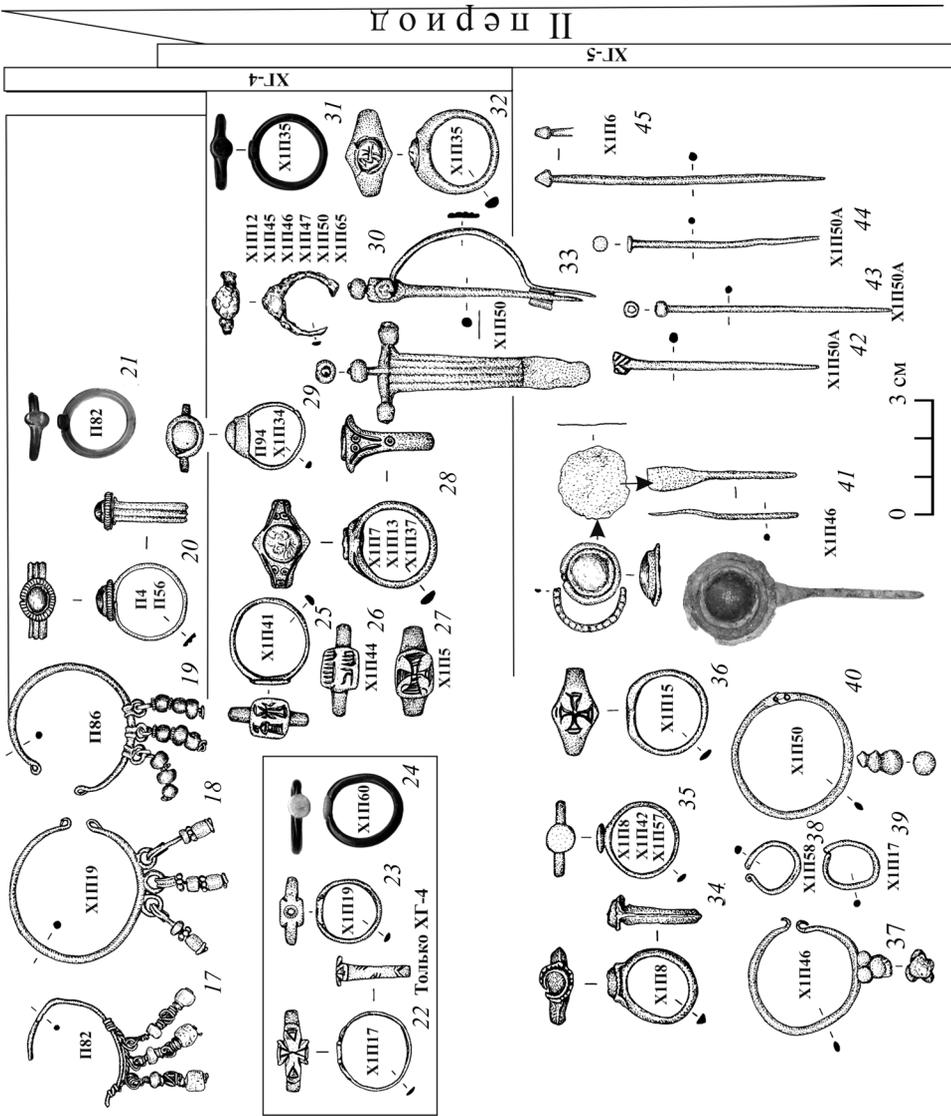

Рис. 3. Могильник Мамисондон. Хронологические периоды

Условные обозначения: П – погребение Основной части могильника; XIII – погребение Холма 1

ными жуковинами (рис. 3, 20, 29). По мнению автора данной статьи, хронологическая граница между периодами I и II может быть связана с событиями после хазарского нападения на арабов в 763/764 гг. (Албегова, *Верецинский-Бабайлов*, 2010. С. 134). Нападение вынудило арабов заняться укреплением границ (*Якуби*, 1927. С. 9). Возможно, единовременное проникновение в Зарамагскую котловину новых культурных влияний (выразившееся в изменении погребального обряда и инвентаря) связано с притоком населения, направленного арабами для строительства и охраны пограничных фортификаций против угрозы с севера. Датировка переходного периода подтверждается находками из катакомбы могильника Верхний Алкун. Здесь перстни периода I (ХГ-1-3) и характерные для периода II черные стеклянные перстни (ХГ-4) обнаружены вместе с монетой (монетами) последних десятилетий VIII в. Х. М. Мамаев склоняется к мнению, что в катакомбе Верхнего Алкуна находился фельс мервского чекана 772/773 гг. (Мамаев, 2010. С. 392).

Для периода II (ХГ-4 и ХГ-5) специфичны: головные булавки (рис. 3, 41-45), височные кольца в виде разомкнутых колечек (рис. 3, 38, 39), височные кольца с гроздевидными подвесками из четырех спаянных в виде перевернутой пирамидки шариков (рис. 3, 37) или с пирамидкой из трех шариков (рис. 3, 40); перстни из темного стекла с монокромным или полихромным щитком (желтого цвета или смешанного, желто-красно-голубого) (рис. 3, 24, 31); железные перстни со щитками (рис. 3, 30); литые перстни из медного и серебряного сплавов со щитками крестовидной (рис. 3, 22, 23), круглой (рис. 3, 34, 35), квадратной, прямоугольной (рис. 3, 25-27), ромбической формы (рис. 3, 36), иногда с гнездами для стеклянных вставок (рис. 3, 28); перстни из металлического листа с ромбическим щитком, подражающие массивным литым, но с органическим заполнением внутреннего пространства шинки (рис. 3, 32). На перстнях выгравированы изображения мальтийских крестов, елочного орнамента, птиц, арабская надпись и композиция из двух фигур. В период II изменяется погребальный обряд – появляются коллективные погребения и обряд подхоронения со смещением останков предыдущих погребенных. Отмечено несколько случаев намеренного разрушения индивидуальных мужских погребений. Комплексы II периода концентрировались на расположенном рядом с Основной частью могильника Холме I. Датировка этого участка также определяется находкой шарнирной фибулы (рис. 3, 33) первой половины – середины VIII в. Следы неоднократных ремонтов на фибуле позволили И. О. Гавритухину предположить, что она могла попасть в погребение с запозданием (Гавритухин, 2010. С. 413). По наблюдениям Х. М. Мамаева, основной период распространения перстней из темного стекла на Северном Кавказе приходится на вторую половину VIII – начало IX в., они продолжают встречаться до конца IX в. В то же время, перстни из светлого стекла распространяются в основном в VIII в. (Мамаев, 2010. С. 399). Датировка позднего участка могильника последними десятилетиями VIII – первыми десятилетиями IX в. подтверждается материалами из могильника Галфандаг, расположенного в 4,5 км севернее могильника Мамисондон. Погребальный обряд и инвентарь Галфандага соответствует обряду и инвентарю позднего участка Мамисондона. Кроме того, в погребениях Галфандага найдены чеканенные в Армении арабские монеты

800 и 805–808 гг. (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 133, 134; Кузнецов, 1990. С. 194, 187. Рис. 42, 2, 1).

Предложенная хронологическая схема могильника Мамисондон, отраженная в сводной таблице, построена на малоизученных категориях инвентаря, в частности перстнях. Подобные перстни встречаются в погребениях не только Кавказа, но и других территорий, вплоть до Среднего Дона. Таким образом, хронология Мамисондона может быть использована (с учетом ее локальности) для уточнения датировок северокавказских и, более широко, южнорусских археологических памятников хазарского времени.

Городище Цми расположено на скальном мысу и перекрыто одноименным осетинским селением. В 2009 г. экспедицией Института археологии РАН на городище было заложено несколько раскопов общей площадью 190 м². Исследования проводились совместно с М. Ю. Меньшиковым (Албегова, Меньшиков, 2012).

Наиболее информативным оказался раскоп 3, расположенный в центральной части южного склона мыса. Размеры раскопа 2 × 10 м, глубина – до 5 м (рис. 4). Здесь была зафиксирована линза непереотложенного культурного слоя. Она представляла собой два слоя угля (слои 5 и 7), переложённые слоем прокала (6), и содержала большую концентрацию фрагментов сосудов разных форм и технологий. Скопление можно интерпретировать либо как мусор, выброшенный в результате разборки погибшего в огне жилища, либо как остатки керамического производства.

Всего в слоях 5–7 найдено 769 фрагментов, не считая мелких и ошлакованных. Вся керамика – круговая, красного, красно-коричневого (627 экз.), серого (31 экз.) или темно-серого – черного (97 экз.) цветов. Тесто плотное, с минеральными примесями. В тесте 185 фрагментов встречается ископаемый (?) известняк/ракушка. Керамика разделяется на две большие группы: **столовую** (рис. 5, 1–20) и **хозяйственную** (рис. 5, 21–31).

Столовая керамика представлена открытыми и закрытыми формами из глины высокого качества. К **закрытым формам** относятся кувшины, горшочки, кувшинчики (рис. 5, 1–13). Кувшины имеют высокое горло и ручку. Часть венчиков кувшинов, коричневого цвета (диаметром до 9,4 см), снабжена носиком-сливом (рис. 5, 1), часть, оранжевого цвета (диаметром более 10 см), – слива не имеет (рис. 5, 2). Поверхность сосудов лощеная. Для кувшинов с носиком-сливом характерен горизонтальный валик при переходе от горла к плечу. На многих фрагментах валик снизу и сверху украшен «шагающей палочкой». Возможно, к кувшинам относятся овальные в сечении, гладкие или подлощенные ручки, иногда с круглыми налепами в верхней части (рис. 5, 3, 4).

Столовые горшочки и кувшинчики – небольшие, тонкостенные, красноглиняные лощеные, с округлым туловом, прямым горлом и, в подавляющем большинстве случаев, с прямым венчиком диаметром до 15 см (рис. 5, 5–13). Сосуды украшались сосцевидными налепами, горизонтальными вдавленными широкими линиями на уровне плеча, косыми или прямыми гребенчатыми вдавлениями в этой же зоне, небольшими аккуратными линиями «шагающих палочек».

Открытые формы подразделяются на три основные группы: А) миски с резко расширяющимися кверху прямыми стенками и загнутым внутрь венчиком (рис. 5, 14); Б) миски-чаши со средне расширяющимися кверху прямыми

стенками и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 15–17); В) чаши с округлыми стенками, плавно расширяющимися кверху и отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 18–20). Венчики форм Б и В часто налепные, уплощенные сверху. Венчики открытых форм А–В украшены косой насечкой. Насечка иногда наносилась гребенчатым штампом. Тулова сосудов орнаментированы вдавленным циркульным орнаментом, волной, мелким рифлением, валиками.

К *хозяйственной (тарной и кухонной) керамике* относятся закрытые формы (пифосы, горшки и амфоры) (рис. 5, 21–31). Пифосы выделяются массивными горизонтально уплощенными венчиками диаметром от 25 до 39 см. Венчики горшков плавно отогнуты, их диаметр от 15 до 34 см. На венчиках пифосов встречается декор с пальцевыми вдавлениями по краю, на венчиках горшков – в виде косых насечек. Большая часть фрагментов стенок и венчиков красного цвета относится к пифосам, серого и черного цветов – к горшкам. Диаметры сохранившихся доньев от сероглиняных сосудов 16 и 20 см. Амфоры представлены несколькими фрагментами стенок (рис. 5, 31).

К упомянутым выше элементам орнаментации сосудов можно добавить украшение стенок валиками (иногда с насечкой), сплошным мелким рифлением (расчесами) гребенкой. По рифлению иногда ложились вертикальные полосы, прочерчивалась волна. Встречаются лощение вертикальными полосами и в виде косой сетки по гладкой поверхности, вдавленные горизонтальные линии, волна простая и многоярдная.

В качестве технологического приема на столовой и хозяйственной посуде встречается белый, серый ангоб, роспись черной краской по серому ангобу. В 155 случаях внутренняя поверхность керамических фрагментов обработана расчесами.

Таким образом, на Цми зафиксировано большое разнообразие форм и технологий, что говорит о сосуществовании нескольких керамических традиций. Пока вопрос о наличии керамического производства на городище, в свое время поставленный В. А. Кузнецовым (1989. С. 13–17), остается открытым. Очевидно, привозными являются амфоры, ангобированная расписная керамика, возможно, небольшие высококачественные тонкостенные красноглиняные лощенные горшочки. Морфологические и технологические различия с равнинной северокавказской керамикой предположительно могут свидетельствовать о приоритетных связях с грузинскими традициями.

Первую попытку атрибутировать находки из Цми предпринял В. А. Кузнецов. На основе технологии он выделил две хронологические группы керамики – XI–XII вв. (аланская) и XIII–XIV вв. (золотоордынская) (Кузнецов, 2005). В ходе раскопок установлено, что эти группы существовали одновременно. Мы попытались определить, к какому хронологическому периоду можно отнести находки керамики из раскопа 3. Результаты радиоуглеродного анализа угля из слоя 5 дали дату $Ki-16321\ 1490 \pm 45\ BP$ ($1\delta\ 535-620\ AD$, $2\delta\ 430-660\ AD$)⁴. Однако даты по дереву часто бывают удревленными.

⁴ Анализ производился в Киевской радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды. Ответственный исполнитель – Н. Н. Ковалюк.

